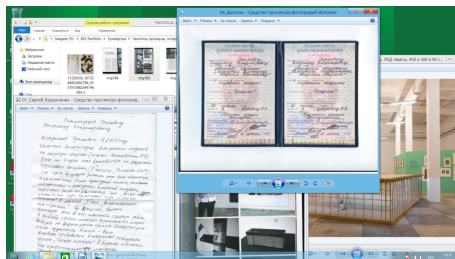

В ПОИСКАХ СТАТУСА ^{BY}RU

Владимир Грамович

4/17/2020

Письмо 1

В начале 2019 года мне пришло небольшое письмо с таким началом:
 «Служба занятости населения г. Минска приглашает для оказания содействия в поиске работы в отдел обслуживания граждан №2.
 По вопросам включения (исключения, освобождения от оплаты услуг с возмещением затрат в связи с нахождением в трудной жизненной ситуации) в базу данных трудоспособных граждан, не занятых в экономике, необходимо обращаться в постоянно действующую комиссию по координации работы по содействию занятости населения администрации ... района г. Минска».

Я знал, что подпадаю под действие закона о «не занятых в экономике».

С одной стороны, у меня была возможность доказать, что я «работник культуры»: последние четыре года после окончания Академии искусств я периодически выставлялся. С другой стороны, я много думал о том, что я должен показывать и кому: меня всегда преследовало ощущение тщетности самого действия и невозможности оправдать существование того, чем я занимаюсь, перед своим государством.

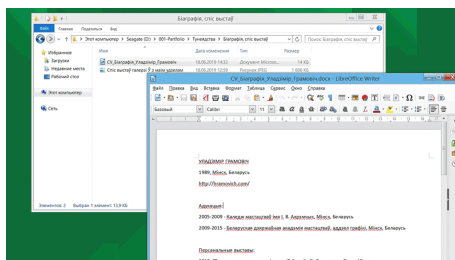
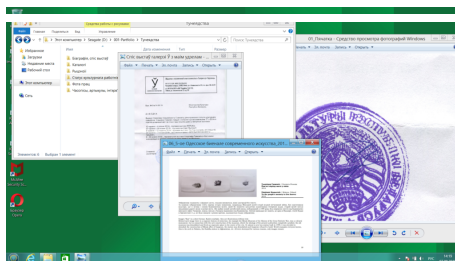
Постепенно я начал собирать специальное портфолио для Министерства культуры. Когда я позвонил в министерство, чтобы узнать какие документы нужны, мне сообщили что должно быть максимум десять работ, выполненных на высоком профессиональном уровне, что уже звучало довольно расплывчато.

Потом я позвонил в администрацию района и написал заявление об отсрочке (я попросил об отсрочке на три месяца), чтобы успеть собрать все документы.

Список документов, необходимых для комиссии:

1. Две рецензии от художников, желательно из Союза художников. Статьи обо мне как художнике, каталоги, дипломы, упоминания в СМИ;
2. Диплом о получении высшего художественного образования (если имеется);
3. Фотографии десяти работ (на комиссию нужно было принести оригиналы работ) с описанием;
4. Творческая биография.

Все должно быть записано на три DVD-диска (прислать на электронную почту или принести на флешке нельзя). Когда звонил в Министерство культуры узнать, какие работы должны быть на фотографиях, мне ответили, что инсталляция не входит в перечень работ, которые могут быть показаны, не является искусством и не может рассматриваться комиссией (видимо, спутав с документом от министерства, где кураторские названо нетворческой деятельностью).

Процесс сбора документов прерывался работой и художественной резиденцией, а также отсутствием понимания, для чего это нужно: формально понятно, но вот сам сбор документов и ритуальность всего действия довольно сильно фрустрировали.

Этот процесс сам по себе напоминал о сложности артикуляции в Беларуси того, чем именно ты занимаешься. В то время как для большинства художников и художниц в Беларуси есть много проблем с

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

ПРОСТАКТИВАЦИЯ И НЕПРИЗНАНИЕ

УСЛОВИЯ РАБОТЫ

саморепрезентацией в поле искусства, административный запрос – чем вы занимаетесь и где берете средства к существованию – приводит в ступор. Само пограничное состояние современного искусства в Беларуси уже делает художников и художниц дрейфующими субъектами, избегающими (не всегда по своей воле) фиксации и описания, но желание государства зафиксировать нас, как-то назвать и обозначить, придать нам некий экономический статус (ведь все это делается, чтобы узнать, чем мы живем) усиливает это положение.

Требование обозначить себя, назвать, быть занесенным в список, при этом доказывать, что ты полезен, или что ты действительно художник, хотя для твоей работы в стране нет даже государственной институции (например музея современного искусства), вызывает глубокие противоречия и много вопросов.

Так как я живу не один в квартире (а согласно закону, если ты не докажешь, что занят в экономике страны, то будешь платить коммунальные по завышенным тарифам), я должен считаться с родными, поэтому было решено подать документы.

Подача документов состоялась 19 июня. На ответ законом отведен месяц, в течение этого времени меня должны были пригласить с работами на комиссию.

Заседание

19 июля, ровно через месяц, мне позвонили и пригласили прийти в Министерство культуры 21 июля в 12:00. С собой попросили взять несколько оригиналов работ.

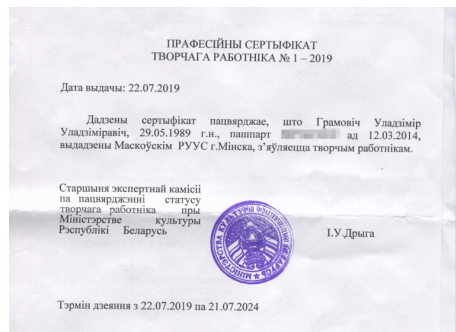
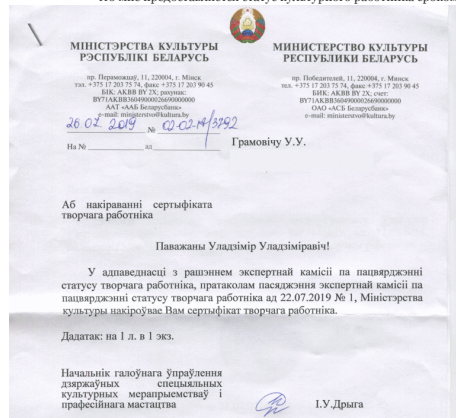
В 12:00 я был в зале для заседаний. Был только один я, хотя обычно собирают несколько кандидатов на получение статуса. Всего в комиссии числилось одиннадцать человек, на мое обсуждение пришли только восемь, а для кворума нужно девять голосов. К счастью, один из членов комиссии, который не пришел на заседание, заочно ознакомился с моими документами и дал положительную оценку.

Секретарь зачитала мою краткую биографию, после чего слово дали мне, попросив рассказать о моем искусстве. На экран проецировались изображения десяти работ, которые я записал на диск для подачи заявления. Думаю, что мой рассказ длился 8-10 минут. Мне задали только один вопрос: о том, где у меня были персональные выставки. После ответа мне сказали спасибо и разрешили уйти.

Процедура выглядела одновременно и официально, и бессмысленно: чувствовалось, что это никому не нужно. Несмотря на то, что заседание прошло нормально, определенное сомнение все равно оставалось: вроде бы меня и «опознали», но при этом было ощущение что и сама комиссия не понимает до конца, для чего это все, и тем не менее исправно выполняет свою функцию. Или скорее я оказался не тем, кого государство ищет на роль тунеядца.

Письмо 2

29 июля я нашел в почтовом ящике письмо с уведомлением о том, что мне предоставляется статус культурного работника сроком на пять лет.

Есть две оптики, или способа рассмотрения этой процедуры, которыми я периодически пользовался в это время. Первая – это слепое следование как ритуалу, так и государственным процедурам. Используя эту оптику, можно много не думать и воспринимать все как данность и неизбежность: то есть так, как государство и хотело бы. Вторая оптика – это постоянно блуждающий взгляд; состояние, когда не знаешь, куда смотреть и зачем это нужно. Такая невротичность не добавляет уверенности или спокойствия, но хорошо иллюстрирует то состояние, в которое тебя ставит государственный аппарат, желая вписать в какие-то объясняющие рамки. Вместо определения, которое дает статус творческого работника, он скорее является подписью к той ситуации, в которой оказывается художник или человек в этой стране.

В чем-то это похоже на подпись к работе на художественных выставках: призванные как-то направить или объяснить работу, часто они являются ничем не значащими фразами и словами, которые никогда не приводят и ничего не выражают. В свою очередь, мне кажется правильным и

важным придать этой ситуации свой взгляд, забрать эту ситуацию и мобилизовать себя.

Налог на тунеядство вывел на площадь людей, которые ранее не были видны для государства и друг друга. Гастарбайтеры, которые работают за границей, художники, просто неработающие или работающие на себя встают в один ряд, появляются, становятся «живыми» друг для друга.

Согласно Джудит Батлер, для Арендт «политическое действие осуществляется при условии появления тела. Я являюсь другим, они являются мне», а пространство между нами дает возможность каждому из нас появиться. Мы не просто видим друг друга, и не просто говорим, чтобы слушать друг друга. То, «кем мы телесно являемся, есть способ бытия "для" другого». При таком появлении мы становимся «телесно доступны для другого», чье мнение мы не можем предсказать и проконтролировать.¹

Таким образом произошла своего рода развиртуализация меня и других граждан, попавших под закон, и стоит продолжать этот процесс появления друг перед другом, и для себя самого. Начать можно хотя бы с описания, которое я здесь попытался сделать: артикуляция и придание голоса ситуациям и вещам на этой территории – сейчас для меня одна из самых важных задач. То, что не имеет голоса, должно его получить; то, что не было названо, должно быть названо – а не делегировано по традиции государству, которое уже давно нас не представляет.

С получением статуса культурного работника в общем ничего не поменялось, появилось только спокойствие, что мне не повысят квартплату в ближайшие пять лет (на столько выдается статус). Но стоит отметить, что такие документы и законы являются поводом для пересмотра того, как мы существуем в обществе и государстве, и помнить, что все может быть переоценено, пересобрано или вообще отменено, так как закон не выполняет никакую функцию, но дискредитирует работников культуры, и не только.

¹ Джудит Батлер. Заметки к перформативной теории собраний. 2018 Ad Marginem. С. 86-87. [↗](#)